

— Больше не хочешь сниматься? — Чжоу Мин ошарашенно уставился на него, но тут же испуганно прикрыл рот ладонью и понизил голос до шёпота: — Вы чего это... С чего вдруг?

— Взгляни на ту книгу, — тихо отозвался Се Синьцзянь.

— А? — Чжоу Мин непонимающе обернулся, посмотрел на промокший томик и недоумённо пожал плечами: — Книга как книга... Ну намочка немного, и что с того?

Се Синьцзянь не стал продолжать. Действительно, зачем выливать это на Чжоу Мина?

Он лишь качнул головой и безучастно уронил:

— Забудь. Ничего.

— Но вы... — Менеджер перепугался не на шутку.

— Сгоряча ляпнул, — Се Синьцзянь опустил ресницы. — Как я могу действительно бросить съёмки?

Чжоу Мин хотел расспросить подробнее, но Синьцзянь уже поднялся с кресла.

— Устал сегодня. Пойду к себе.

За его спиной намокшие страницы книги шуршали под порывами ветра.

Проходя мимо дверей, он заметил Цю Ивэнь, о чём-то беседовавшую с Ли Вэньсю. Се Синьцзянь скользнул по ним беглым взглядом и отвернулся, сделав вид, будто никого не заметил. И хотя Ли Вэньсю держался с привычной сдержанной отстранённостью, в груди Синьцзяня всё равно больно укололо.

Словно эмоции Бай Цзинняня без спроса хлынули в его собственное сердце. Он играл роль, но и роль в ответ перекраивала его разум.

Синьцзянь понимал, что с ним происходит. В актёрской среде подобное встречалось сплошь и рядом — неспособность выйти из образа. Из-за слишком глубокого погружения многие артисты переносили экранную любовь в реальность, становясь парами и в жизни.

Но он никак не ожидал, что подобный профессиональный сбой настигнет именно его. Он ведь всегда считал себя абсолютным прагматиком.

Они прошли совсем рядом. Внешне Синьцзянь оставался невозмутим, но от этой мимолётной

близости сердце трепетно встрепенулось — словно взмахнула крыльями подхваченная ветром бабочка. Ли Вэньсю вскинул взгляд, но Синьцянь уже шагнул прочь, оставляя за собой лишь тонкий силуэт да белизну обнажённой шеи под сдвинутой кепкой.

Вернувшись в отель, к еде он так и не притронулся. Пролистав сценарий, убедился: съёмки на острове Вэйхай подходят к концу, останется лишь пара финальных штрихов в Цзинши.

Закончится фильм — и наваждение рассеется, верно?

Синьцянь положил сценарий себе на лицо и откинулся на спинку дивана. В полумраке чётко проступала линия его подбородка, слегка вздрагивал кадык.

Но отдохнуть не удалось: зазвонил телефон. Синьцянь нащупал аппарат и лениво откликнулся:

— Слушаю.

— Ты правда хочешь бросить проект? — донёсся из динамика тревожный голос Гао Цзявэнь. — Что стряслось? С чего вдруг такие мысли? На острове что-то произошло?

— Нет, — отрезал Се Синьцянь.

Гао Цзявэнь запнулась, вспомнила слова Чжоу Мина о том, что Синьцянь заговорил об уходе сразу после откровенной сцены, и осторожно высказала догадку:

— Тебя... Учитель Ли обидел?

— С чего ты взяла? — Синьцянь нахмурился.

Спросил он инстинктивно, без наигранного возмущения, и вполне обыденным тоном.

Гао Цзявэнь совсем растерялась:

— А в чём тогда дело?

— Навалилась усталость, вот и обронил глупость в разговоре с Чжоу Мином, — вздохнул он, снимая сценарий с лица. — Я не собираюсь бросать работу.

— Ну и слава богу, а то у меня чуть сердце не выскочило, — с облегчением выдохнула Гао Цзявэнь. — К тому же, залей мы проект на полпути, никаких неустоек не хватит.

— Понимаю.

— Раз всё в порядке, то и отлично, — утешила его агент. — Фильм почти готов. Как закончите, выбью тебе длинный отпуск — поезжай куда захочешь, отдыхай сколько влезет.

Синьцянь коротко попрощался и сбросил вызов.

Ему и впрямь хотелось всё бросить, но он не мог позволить своей минутности перечеркнуть труды всей съёмочной группы.

Он снова закрыл глаза, позволив надвигающимся сумеркам окончательно поглотить комнату.

Спустя некоторое время за стеной послышался щелчок замка — вернулся Ли Вэньсю.

Чтобы не прислушиваться к происходящему в соседнем номере, Синьцянь разблокировал телефон.

В ленте новостей он тут же наткнулся на свежую публикацию Цю Ивэнь: совместное фото с Ли Вэньсю в том самом ресторанчике морепродуктов, куда они часто заглядывали. На переднем плане красовалось блюдо с запечёнными креветками-богомолками.

Они ужинали вдвоём? Неужели Ли Вэньсю и ей чистил эти креветки?

Синьцянь замер, а потом в сердцах швырнул телефон на диван. Накинув лёгкую рубашку, он выскочил из номера.

С ума он, что ли, сошёл?! Как он вообще мог додуматься до такого вопроса?!

Из отеля имелся прямой выход к пляжу, но Синьцянь редко выходил прогуляться. Сейчас же темнело буквально на глазах, морскую гладь затопила синева, а на подёрнутом дымкой небе зажглись первые звёзды.

Синьцянь брёл по песчаному берегу в одних шлёпанцах, не разбирая дороги.

Опомнился лишь тогда, когда кругом не осталось ни огонька. Мобильный он с собой не взял, вокруг царила непроглядная темень, так что пришлось повернуть назад.

Прилив наступал быстро, вода уже подбиралась к прибрежным валунам.

Осторожно ступая по скользким камням, Синьцянь разглядел в темноте человеческий силуэт. Силуэт был смазанным, разглядеть лицо не удавалось, и Синьцянь уже собирался пройти мимо,

как вдруг незнакомец окликнул его по имени.

Этот голос он узнал сразу — Режиссёр Ло.

— Режиссёр Ло? Что вы здесь делаете? — Синьцянй подошёл ближе. — Прилив сегодня сильный, осторожнее.

— Не переживай, я эти места прекрасно знаю, вышел размяться, — отозвался Ло Юаньцзе, перебираясь по камням.

Вода уже захлёстывала лодыжки.

Синьцянй с тревогой взглянул на него, но старший лишь спокойно расправил штанины, словно подобное происходило каждый день.

Они вместе пошли к отелю, чей далёкий свет едва пробивался сквозь ночной мрак.

Синьцянй никогда не отличался разговорчивостью, поэтому большей частью молчал, лишь изредка предупреждая спутника о выброшенных на берег корягах.

Ло Юаньцзе, напротив, охотно завязал беседу:

— Вижу, ты сам не свой в последние дни. Жару плохо переносишь?

— Я сорвал съёмки? — смутился Синьцянй.

— Вовсе нет, — качнул головой режиссёр. — Просто вижу, что вне кадра ты словно тень.

Синьцянй опустил взгляд на белёсую пену у ног, сомневаясь, стоит ли открываться.

Ло Юаньцзе задал вопрос с искренней чуткостью: при желании Синьцянй мог списать всё на душную погоду, а мог высказать то, что легло камнем на душу.

Случайным людям Синьцянй никогда не доверил бы свои переживания. Но ситуация оказалась слишком запутанной, к тому же он глубоко уважал своего наставника.

Они молча шагали по темнеющему берегу, когда Синьцянй тихо произнёс:

— Мне... очень тяжело.

Ло Юаньцзе ничуть не удивился.

— Если хочешь, выговорись. Я выслушаю.

— Я не могу выйти из роли, — запнулся Синьцян, чувствуя, как к щекам приливает краска стыда. — Съёмки заканчиваются, а я всё ещё чувствую себя внутри этой истории.

В последнее время это чувство не отпускало его ни на миг. Даже в реальности Ли Вэньсю казался ему Тан Фэном, а появившаяся Цю Ивэнь выказывала лишь раздражение. Синьцян понимал всю глупость происходящего, но не мог обуздать собственный разум.

Ло Юаньцзе некоторое время молчал, а затем спросил:

— Ты когда-нибудь влюблялся?

— Нет, — качнул головой Синьцян.

— А каковой ты представляешь себе любовь?

Синьцян задумался и растерянно признался:

— Не знаю... Не могу представить.

— Но ведь ты уже влюблён.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Синьцян широко раскрыл глаза:

— Как... С чего вы взяли?!

Неужели режиссёр намекает, что он воспылал чувствами к Ли Вэньсю?!

— Я не совсем это имел в виду, — мягко перефразировал Ло Юаньцзе, заметив его испуг. — Твоё состояние вполне естественно. Ты полностью погрузился в персонажа, и теперь роль оказывает на тебя обратное влияние.

— Но не до такой же степени! — Синьцян нахмурился. Он не ожидал, что эмоциональная отдача окажется настолько разрушительной.

— Человек ведь не робот. Нельзя просто услышать команду «Снято!» и мгновенно переключить тумблер. Ты прожил эти чувства в кадре, и вполне закономерно, что они отзываются в тебе за

его пределами.

— Это неправильно, — настаивал Синьцянь. — Я ведь не новичок, у меня уже есть опыт.

Ло Юаньцзе лишь молча слушал.

— Раньше, когда я играл, моё собственное «я» уступало место герою. А после съёмок я возвращался к нормальной жизни. Но в «Долгом лете» всё смешалось! — В голосе Синьцяня прозвучали досада и отчаяние. — Бай Цзиннянь вырвался за отведённые ему рамки и теперь влияет на мои реальные поступки.

— И ты думаешь, что под давлением роли проникся чувствами к Тан Фэну? — подытожил Ло Юаньцзе.

Синьцянь хотел было возразить, но вовремя осекся — аргументов у него не нашлось.

Режиссёр мягко улыбнулся:

— Тебя тревожит Тан Фэн? Или всё-таки Ли Вэньсю?

Синьцянь опешил и принялся путанно оправдываться:

— Но ведь именно он играет Тан Фэна...

— Истину знаешь только ты сам, — тихо ответил Ло Юаньцзе.

Синьцянь понимал, насколько жалко звучали его попытки свалить всё на роль. Он прикусил губу, не зная, куда девать глаза от неловкости.

Впереди показались фонари отеля, освещавшие прибрежный песок.

— Но если тебе проще думать, что во всём виноват персонаж, — Ло Юаньцзе умышленно сбавил шаг, — тогда тем более не о чем переживать. Прими это как данность.

Синьцянь не совсем понял его мысль.

— Если это лишь отзвук экранной истории, — пояснил старец, — значит, это вторичные, заёмные эмоции. Пройдёт немного времени после окончания съёмок, и всё угаснет само собой.

Синьцянь будто прозрел. Как он сам до этого не додумался?! Если это лишь побочный эффект

работы, чего ему бояться?

— Я понял, — выдохнул он. — Моя смута — это просто временный сбой.

Ло Юаньцзе удовлетворенно кивнул:

— Принятие — единственный путь к переменам. Попытки сбежать от своих чувств принесут лишь сожаления.

Принять свои чувства...

Значит, его нынешнее безумие — лишь следствие съёмок? Стоит фильму завершиться, и он снова станет прежним?

В этом кролась своя логика. Избавившись от липкого сомнения, Синьцзянь ощутил, как тяжесть свалилась с плеч.

Лишь финал сценария всё ещё отзывался в душе лёгкой грустью.

Уже у самых дверей отеля Синьцзянь на мгновение остановил Ло Юаньцзе.

— А вы... — Это был первый раз, когда он решился спросить о прочтённых личных записях. — Вы когда-нибудь жалели о том, что было между вами и господином Хэ?

Пожалел ли он о том, что променял короткую, как вспышка, юношескую любовь на долгие десятилетия одиночества?

Ло Юаньцзе замер. Морской бриз шевелил его седые волосы, выбредшие из аккуратной причёски. Режиссёр молчал так долго, что Синьцзянь уже пожалел о своём бестактном вопросе, но тут старец тихо улыбнулся:

— Нет.

Вода омывала его ступни, ночные волны шумели у ног, а Ло Юаньцзе стоял всё так же неподвижно, и в его взгляде читалась глубокая, умиротворяющая уверенность.

— Если бы жизнь можно было открутить назад, — произнёс он, глядя на Синьцзяня, — я бы снова приехал на этот остров и снова полюбил того человека.

Далёкий свет фонарей выхватывал из тьмы его профиль. Он давно был немолоден, но, говоря о любимом, преображался — в его глазах горел тот же чистый, неугасающий свет, что и у

семнадцатилетнего юноши.

Вернувшись в отель, Синьцянь попрощался с Ло Юаньцзе у лифта и пошёл к своему номеру.

Стоило ему достать ключ-карту, как соседняя дверь распахнулась. На пороге стоял Ли Вэньсю. Внимательно посмотрев на Синьцяня, он ровно спросил:

— Выходил?

— На море был, — кивнул Синьцянь.

— Телефон с собой не брал?

Синьцянь вспомнил, из-за чего в спешке выскочил из номера, и смущённо пробормотал:

— Не брал... Забыл в спешке.

Ли Вэньсю не стал ни о чём расспрашивать и просто вернулся к себе.

Зайдя в номер, Синьцянь обнаружил несколько пропущенных вызовов от Вэньсю. Значит, тот действительно искал его?

Синьцянь перезвонил, но Ли Вэньсю лишь сухо ответил, что вопрос уже решён.

Не успел он положить трубку, как на экран выскочил звонок от Чжоу Мина.

— Ты в отеле?! — Голос менеджера буквально звенел от напряжения.

— Вернулся, — ответил Синьцянь. — Гулял без телефона.

— У меня чуть инфаркт не случился! — облегчённо вздохнул Чжоу Мин. — Дозвониться не мог, думал, что-то стряслось.

— Что-то произошло?

— Да у меня-то ничего, а вот Учитель Ли себе места не находил. Всё спрашивал, где ты.

— Спрашивал про меня?

— Ну да. Поинтересовался, со мной ты или нет.

Синьцянь замер. Ли Вэньсю отделялся общими фразами, и Синьцянь не собирался лезть с расспросами, но слова Чжоу Мина разбудили в нём нестерпимое любопытство.

Разве Ли Вэньсю не ужинал с Цю Ивэнь? Зачем он искал его?

Мысли метались в голове, словно запертый в клетке котёнок, царапающий стенки. Не выдержав, Синьцянь сцепил зубы и написал ассистенту Вэньсю. Тот без задней мысли выложил всю правду: при уходе из ресторана Ли Вэньсю попросил упаковать порцию креветок-богомолов, чтобы принести Синьцяню.

Он принёс еду специально для него? И из-за этого так отчаянно искал его по возвращении?

Но почему же при встрече он ничего не сказал?

В голове Синьцяня мелькнула одна догадка, но он не смел в неё поверить. Опомнился он только тогда, когда обнаружил себя стоящим перед чужой дверью.

Ещё минуту назад он горел решимостью, но стоило пальцу коснуться дверного звонка, как сердце ушло в пятки.

Не слишком ли это дерзко? С какой стати он вообще припёрся выпрашивать еду? К тому же сам Вэньсю предпочёл умолчать об этом...

Замок щелкнул, и дверь отворилась. На пороге возник высокий силуэт Ли Вэньсю.

В его тёмных глазах промелькнуло изумление, но он тут же взял себя в руки и спокойно спросил:

— Что-то случилось?

Синьцянь попал в собственную ловушку. Он попытался заглянуть вглубь комнаты, надеясь разглядеть заветный пакет, но Вэньсю заслонял собой весь проход.

— Я просто... — Синьцянь запнулся и, пересилив неловкость, выпалил: — Слышал, ты захватил порцию креветок?

Взгляд Вэньсю слегка потемнел, но тон остался прежним. Он отступил в сторону, приглашая гостя войти:

— Ты ради этого пришёл?

— Ну да, — буркнул Синьцянь.

Вэньсю на мгновение застыл, а затем вздохнул с досадой на самого себя:

— Хотел угостить тебя, но они успели остыть, вот я и не стал говорить.

Синьцянь почувствовал, как в груди разливается тепло:

— Ты специально для меня принёс?

— А кто виноват, что ты удрал со съёмочной площадки? — Вэньсю сдержанно усмехнулся. — Режиссёр Ло собирал всех на ужин, а ты испарился прежде, чем я успел тебя позвать.

Синьцянь застыл.

Так это был общий ужин?! Не приватное свидание с Цю Ивэнь?!

Боже, какая стыдоба! Признаться, что он приревновал к снимку в соцсетях? Да он скорее сквозь землю провалится!

Проклятый Бай Цзиннянь, да когда же ты отвяжешься от меня?!

Заметив, как лицо Синьцяня заливают густой румянец, Вэньсю всё понял. Он едва не расхохотался от нелепости ситуации:

— Ты решил, что у меня свидание?

— Ничего я не решил! — Синьцянь отвернулся, отказываясь признаваться.

Он старался держать фасон, вот только бегающий взгляд выдавал его с потрохами.

Вэньсю от такой детской логики готов был одновременно и злиться, и смеяться. Он прождал этого человека весь вечер, на ужине только о нём и думал, на стену лез от беспокойства. А в итоге его же ещё и сделали виноватым!

Будь Синьцянь его парнем, он бы прямо сейчас прижал его к стене и выцеловал всю эту дурь.

Увы, перед ним стоял лишь нерасторопный упрямец, который до сих пор не разобрался в собственных чувствах.

Вэньсю сделал шаг вперёд и мягко спросил:

— И зачем ты тогда от меня прятался?

Зачем прятался? Да потому что Бай Цзиннянь поселился в его голове!

Синьцянь не смел сказать правду. Замявшись, он судорожно перевёл тему:

— А где креветки?

Вэньсю бросил взгляд на журнальный столик:

— Остыли давно. Если хочешь, завтра свожу тебя в ресторан.

Синьцянь не сдвинулся с места. Он прикусил губу и спустя долгую паузу пробормотал:

— Можно попросить разогреть их на кухне...

В этой фразе Ли Вэньсю уловил нечто большее. Он чуть приподнял бровь и по-новому взглянул на стоящего перед ним юношу.

Ведь тот всегда держался отстранённо и холодно. А сейчас, стоя перед ним, весь пылал от смущения, не смея поднять пушистые ресницы.

Неужели упрямый плод наконец-то созрел?

Сердце Вэньсю заколотилось от ликования, но внешне он остался невозмутим:

— Разогрею — будешь есть?

— Буду, — совладав с дрожью, ответил Синьцянь. Учащённый пульс стучал в висках. — Ты ведь ради меня старался.

Вэньсю ничего не ответил, лишь продолжил молча смотреть на него. Его тёмный, пристальный взгляд буквально вынуждал признаться в самых сокровенных желаниях.

Синьцянь встретил этот взгляд. Сердце бухало в груди словно молот, выбивая остатки самообладания.

Что делать? Почему он молчит? Неужели он переборщил со своей прямоотой? Обидел его?

Или... Ли Вэньсю догадался о его истинных чувствах?..

Синьцянь с трудом сглотнул, больно впившись ногтями в ладони, пытаясь вернуть контроль над собой.

Но всё было тщетно...

Когда напряжение достигло предела, Ли Вэньсю первым отвёл взгляд. Синьцянь облегчённо выдохнул.

Вэньсю повернулся и пошёл к телефону — набрать службу обслуживания номеров. Его собственные уши заметно покраснели.

За его спиной Синьцянь обессиленно прислонился к стене. Щёки горели, а сердце отбивало безумный ритм, готовое выскочить из груди.

Всё. Ему конец.

Синьцянь закрыл лицо руками, сгорая от паники и стыда.

Бай Цзиннянь окончательно его сгубил.

<http://bllate.org/book/19727/1985819>